

Второе дыхание - 2006

СТИХИ БЕЗ НОТ

* * *

Чем гуще синева, тем больше в ней неона
уж распускаются бутоны фонарей
я нынче при деньгах, а значит вне закона
моторное ландо, вези меня скорей.

Хозяин, сминусуй "Европу +", будь ласка,
я нынче азиат и – боле – славянин,
а скорости прибавь, вот это будет классно
ты ж Гоголя читал, а впрочем, извини...

Что? Адрес? Покажу. Пока нормально едем
сверни-ка в магазин, чтоб все свое с собой.
Любовь, ты говоришь? – да я не знаю, Федя.
Домчимся и узрим, какая там Любовь.

Чем жизни капитал хорош? – не жалко тратить
на книги, на вино, на женщин, на такси.
Я знаю наизусть дорогу: мимо храма,
налево от тюрьмы и на гору. Спаси

Бо здесь чуть-чуть, пешком срезаю путь до точки
где место наших встреч пересекает жизнь,
чем гуще чернота, тем ближе очи ночи
павлины, говоришь?.. Любовь? Ну, покажись.

* * *

Зеленеющий сон; фимиам фонарей
на плечах – у прохожих дам.
С неба – синий песок; и каток-кифаред
зазвенел вензелями льда.

Такт шагов – мой мотив; и скрипичный скрип,
я всем встречным дарю цветы,
то улыбку, то стих, а похмельному – дринк,
я богат; ибо знаю – ты
стол накрыла уже. Мне остался квартал.
Парадиз на земле, а не ...
Парадиз есть в душе. Парадиз будет там.
Парадизов полно вполне.

Ах, декабрь, декабрь; вспоминай, вспоминай ...
Было счастье; а значит – есть! –
Парадиз на века, если память полна;

а мотив и стихи – все здесь.

Вновь каток зазвенит; загорится звезда,
запоет музыкант – лети!

Я иду, а они дарят мне – как тогда –
кто глоток, кто цветок, кто стих.

* * *

"Во поле берёза стояла..."

«Ми-ми-ми ми-ре-до до-си-ля» –
С детских лет в сердца западало.
Во поле с берёзой красивой
В полночь назначаю свиданье.

Мы с тобой пойдём погуляти,
По небу писать с красной строчки.
Вся земля нам будет – полати,
Покрывалом будет вся ночь нам.

Ветер не баюкает – будит.
Будет соловей. Будут розы.
Мы один куплет позабудем –
.....
...Заломали в поле берёзу...

* * *

В трамваях, из театров и гостей,
По вечерам до дому едут люди.
Они почти что все одни из тех,
Которые почти друг друга любят.

У них почти приличные дела:
В карьерном росте, в матерьяльном плане.
Из школы дочь четвёрку принесла.
Почти отлично. Хорошо – и ладно.

Кому-то нынче ужин: при свечах
В подсвечнике, почти старинном;
И музыкальный центр невзначай
Найдёт им подходящее к интиму.

Кому-то завтра ехать в отпуска.
Ещё раз пересмотрят чемоданы.
Посапывают после пососка
Почти что господин с почти что дамой.

Ночь и тепло. Почти что хорошо.
Почти дурак, почти поэт, почти философ

Трамвай увидел – и вослед стишок.
Почти стишок. Без проклятых вопросов.

Трамваи театралов и гостей
Поразвезли за мелкую монету.
Ну вот и нам, Пегас, пора лететь –
Работать над собой и над Планетой.

Святая слепота

Дождь косой, ослепши, падал с неба,
Шел в июнь черемуховым снегом,
И пацан босой по лужам шлепал,
Слушая, о чем шумели клены.

Клены говорили – он не верил.
Клены уверяли – он смеялся.
Потому что день был спел и светел.
Снег был бел и небо было ясно.

Было ясно: будет все красиво,
Как сирень, умытая июнем,
Как подсолнух Солнца над Россией,
Как его безудержная юность.

Шел с душой пацан и не боялся.
Клены говорили – он смеялся.
Клены уверяли – он не верил –
Про петлю в каком-то «Англетере».

Манерное тангО для блеющего баритона

Июль и Юлия...
Мотив баюкает;
Пчела печалится.
Царит жасмин.
И старомодное,
Как слово «молодость»,
Танго звучание:
«О, мон ами!»
Июль и Юлия –
В той, жёлтой, юбочке.
Летают бабочки.
Шипит прилив.
И манго. Манго им
Несёт официант двоим.
И море юное.
И край земли.
Играет музыка.
Пластинку лузгает

Игла. Движение:
Два шага – шаг!
И по-во-рот! Ещё!
И пламень близких щёк.
Июль и Юлия.
Душа. Душа.
Июль и Юлия.
Закатно-южное...
Труба поющая,
Слепой трубач.
И танго с юнгою,
И пчёлы манго пьют.
Летают бабочки.
А ты – не плачь.
В окно – магнолия,
Луна, камелии.
Пластинка кончилась.
Погас закат.
И вы уходите
Вдоль моря медленно –
Матрос и школьница.
В руке рука.

Старое танго

Танго в старом парке ночевало,
Дождаясь осени в тени.
Это танго Аргентин не знало,
Не любило солнечной возни.

Это танго не любило лета,
Почитало лето за болезнь,
Дожидалось медленного света
С листопадом парковых аллей.

Танго было старым и усталым,
Не хотело жару и жары,
Танго равнодушно было к танцам
Юности горячечной поры.

Но однажды: «Все!» – так Он сказал Ей.
Танго, заглянув в ее глаза,
Сделало площадку бальной залой,
Зрителями – всех, кто полнил зал.

«Что ж, – Она, – станцуем на прощанье.
Белый танец все-таки, давай?»
Это танго знало цену счастья,
И оно вошло в свои права.

Расступились перед новой парой –

Свой последний танец – в первый раз!
Танго – наступив – не отступало
И не отступило до утра.

А когда они по той аллее
Поцелуи унесли и смех,
Наше танго снова заболело
Летом и укрылось ото всех.

Снова в старом парке ночевало,
Дождаясь осени в тени...
Но Они о нем не забывали.
Это – рассказали мне Они.

Тахі-жизнь

Осенний парк опустошен;
ноябрьский дождь.
И это даже хорошо,
один идешь.
Сто лет – не срок. Сто зим – не срок.
И смерть – не срок.
Все живо – музыкой, добром
да рифмой строк.

Я не был здесь уже давно –
сто лет, сто зим.
Из старого лишь – гастроном,
глаза такси.
Ты стой; она сейчас придет,
как раньше – жди!
Ты ... – Пленка кончилась; и вот
ноябрь дождит.

На это никаких обид,
жизнь прет. Но вдруг! –
«Комета» старая хрипит?
Иль тянет «Русь»?
Ну что ж, сначала – в гастроном; потом – такси.
Возьму крепленое вино,
скажу – вези.

И врос; и враз остолбенел
среди пути.
Как будто – жду, и ты ко мне
должна прийти.
Да все равно куда – кружи,
гони, браток.
Летят огни; они же – жизнь;
глоток... глоток...

Сто лет, сто зим тому назад,
а песня – та ж.
Вдруг не с дождя мокры глаза,
а просто так.
Когда же счетчик выбьет срок:
«Пора платить»,
помогут – верю – рифмы строк,
да тот мотив:

И тот же звук, и тот же хрип –
«Комета»? «Русь»?
А саксофон хрипит – смотри
и слушай, Русь.
Сто лет – не срок. Сто зим – не срок.
И смерть – не срок.
Все живо – музыкой, добром
да рифмой строк.

* * *

Любовь, и бедность, и талант –
святая троица бродяги.
И дела нету, что дела
ни к черту. К черту! – коль на стяге
такая надпись расцвела:
Любовь и бедность, и талант.

Любовь, талант и нищета.
Свои поправки вносит время.
Идите к черту! Ни черта
поэты не стремятся в Крезы
и гордо носят герб щита:
Любовь, талант и нищета.

Любовь, посредственность и бомж –
вновь жизни ход с поправкой новой.
Идите к черту! Видит Бог,
Любовь смеется, что смешного?
Ответ, смеясь, уносит бомж –
Посредственность! – и с ним Любовь.

Любовь, ничтожество и смерть.
Девизы где? Щиты и стяги? –
Но эпитафию бродяги
прочти и возразить посмей –
простою краской голубой –
«Любовь. Любовь. Любовь».
Любовь.

НОЧНИК ЧИТАТЕЛЯ

* * *

В сверкании безумных глаз ручья;
и в "огоньках", и в желтых черепашках
мать-мачехи, что греются на солнце;
в березах истекающих любовью
земли и неба;
в дуновенье ветра, насыщенном
хвоей и пеньем птицы;
и в умопомрачительном сиянье;
в наличии столь милых мелочей;
в отсутствии того, кто помешал бы;
стою в апреле
и всю жизнь люблю
я вас, – родные.

* * *

Высоки горы Парнаса, в горах тех
Панует Язык и пасует Время.
Дойдем и услышишь:
Броций – Горадский,
И так все эхо...
Пошли скорее.

* * *

Поедут дачники на дачи,
начнется май
на щуку хорошо рыбачить
когда зима
до слез черемухами пахнет;
на белом кровь
и носовым платочком парень
коленки вновь
Пойдут в садах и огородах
труды и дни.
Они не знают Господа
зато они
выписывают "Наша дача",
"Сад-огород"
и все по правилам и даже
почти растет.
Начнется май и электрички
полны людьми
и люди, и мои странички
полны любви.

* * *

Снимок сине-желтый
черно-голубой
в ватнике пижонском
в валенках; с тобой.

Вот качу я санки.
Все в деревне спят.
Я слагаю стансы
вслух и для тебя.

Вот моя деревня;
за полночь; зима;
вот моя царевна;
спящие дома.

Сине-желтый снимок
старое кино.
Что случилось с ними
я забыл давно.

Помню то, что точно
фильма про любовь...
(фон для многоточья
черно-голубой)

* * *

... мелкая сволочь; сеет и сеет
Нет бы за раз – сволочь
грянуть и хлынуть, нет же в Росии
слякотить повелось.

Хоть бы затяжку, все не так тяжело, –
хоть на душе уют
или хотя бы был не сентябрь
был бы хотя б июль.

Шум монотонный шуб многотонных
"пленку" забыл я взять.
Все то, что можно, то и промокло
вымокло, – что нельзя.

Холодно, бляха! В мокрой рубахе
ладно хоть ветра нет.
Как же я – пленку. Вот ведь козленок
козел. Козел, вполне!

Круглые сутки в грустном рассудке
мысли о кипятке,
бани ли, лете, о сигарете
спиртике и т. п.

... вот я и в кресле. Сух и нетрезвый
карандашом скриплю.
Припоминаю и приминаю
"Приму", ща закурю...

* * *

Та остановка называлась "Радуга"
И там трамвай сворачивал дугой
И я с трамвая выходил и к радости,
Что не погашен свет горит тобой.

Я после смены; и все окна спят уже
Не спит одна на пятом этаже.
И я взлетал от первого до пятого
Как никогда, – ни раньше, ни уже...

И кушал я горячее и вкусное
Курил втихушку сигарету "Bond"
(По тем годам и магазинам – лучшее)
И ничего не думал про любовь.

И то, что было наше – было штучное,
А дальше было – все как у людей.
Зачем ты снишься? Что меня ты мучаешь?
Меня... тебя... нас больше нет нигде.

А то, что есть, друг друга не порадует,
И надо научиться забывать,
Что остановка называлась "Радугой"
И что дугою прозвенел трамвай.

* * *

В райкоме рая мне сказали: «Встань
На очередь за спецпайком и нимбом», –
И секретарша (ангелица? нимфа?),
Дыша амброзией на треугольный штамп,
Со смаком припечатала листок...
- Мне б к Самому...
- А Он на совещанье.
Я протянул ей зеркальце, духи –
Безделки из архива Мандельштама.
Но – не взяла. А, улыбнувшись, встала
И прошептала: «Только за стихи...»

* * *

В чем смысл жизни, не очень сложный вопрос.
Ухаживать за могилами предков, растить детей.
Умножать, складывать, просто хранить добро,

что осталось в наследство
и сам осветил в темноте
готовить ужин, на всю семью плюс одного
всегда возможного странника,
что заглянет на свет
и если нет веры, учиться верить в Него.
В тот самый жизненный смысл, которого нет.

* * *

С утра светило истово,
лучисто и неистово
светило. Голосистые
совсем сошли с ума
в любовное безумие,
в многотональных зуммерах.
Все означало в сумме, что
закончилась зима.

Все небо: чисто-синее.
Все птицы: голосистые.
Все девочки: готовые.
Все говорит – живи!
Вживаясь живо в музыку
всем сердцем, каждым мускулом
наполненным всем чувственным
биением крови

не вздумай останавливать
мгновения, талантливо
весна идет и главное
не тормози судьбу!

.....
И в рифмах дактилических
такой напор лирический
что небо пахнет листьями
сквозь почек скорлупу.

Госпиталь

«Пусть нечем налить стаканы
уже ништяк нам пацаны
к тому ж, ребята, здесь покой и воля
я встретил вас ... и ... братаны!
Ребята! Сукины сыны. Ведь мы вернулись с войны
Чего же боле.

Что я могу еще сказать:
Держись, Сереж! Суши глаза
Твоя – сейчас. А мне в армейку накатала;
«Андрюша...» – пишет, слышь, Сереж, –

... прости коль сможешь, мол... трешь – мнешь...
Домой придешь – еще найдешь
А я устала.

Ниче, братва. Не в первый раз
Жаль спиртик кончился у нас.
Ниче, братва. Не в первый раз, прорвемся.
Какая осень, пацаны...
Прикиньте, там, проседь войны
Сны, в них ни мамы ни жены
Златая осень...

Эй, Ленский! Слышь, сержант, очнись!
О чем задумался?... Про них...
Кого тогда... бездарно... в пятницу... по-блядски!
У нас тут спирт и домино
И каждый носит орден
А что без ног...
Да что без ног!
У нас коляски».

* * *

С subtilной стильной сигареткой
Наперевес, верней крест-накрест
Стихи, парнасская соседка,
В Стихиру загружает... Настя,
Какой там к ляду рейтинг – шмейтинг.
Стих вопиющего в Сибири
Сам по себе: душевный шейпинг,
Здоровый дух и психобилдинг...
... а если знаешь, что немного
хоть кто-то, где-то, как-то любит
то можно выжить и до гроба.
Чего и вам желаю, люди.

* * *

*Станешь ты Осирисом иль Хором
Бастед или Хнумом или Птахом.*

Е.Рейн

Птахи утром песни распевают
Молят быть Осирисы и Хнумы
Я ведь ничего про них не знаю,
Про богов; поэтому угрюмый.
Мне не нужно грамот Шампольона
Мне бы: щебет, свисты, переливы.
Быть как Птах: божественно-влюбленным
Или Хор: божественно-счастливый.

* * *

Железный занавес порезан на куски,
Что перекованы в железные решетки,
Что украшают окна наших комнат.
Чем не Лавуазье и Ломоносов.
За вычетом энергии Эйнштейна,
Все сохраняется. Вот только... Время...

* * *

Соболиные брови попросят для рифмы любви,
Словно вышла из прошлого: шаль и нездешняя брошь.
Завиток у виска, так по-детски, колечком завит
И угроза-глаза, с азиатской раскосинкой: в дрожь
Чуть презрителен, – вверх – уголок мягко сомкнутых губ.
Чуть болезненно-нервен румянец на смуглой щеке,
Эти фортепианные пальцы забыть не смогу...
.....
С бирюзовой слезой, безымянной, на правой руке.

Камасутра

Дорогая, сядем рядом.
Только передом, не задом.

* * *

Давным-давно,
Во времена эСэСэСэРа,
Когда ходили в кино
Старушки и пионеры,
Когда автомат газ-воды
Наливал после стука,
Когда не таяли льды
Заполярного круга,
Когда в каждом дворе
Домино и гармошка,
И когда в октябре
Второй курс на картошку,
Когда в май и в ноябрь
Многолюден багрянец,
Когда (думал ли я,
Что не выбьюсь из пьяниц),
Когда «Солнечный круг» –
Восхитительно пелось,
Когда знали, что руль
Правит к правому делу,
Когда «русский» – звучало
По-горьковски гордо,
Когда утра начало

Отмечено горном, –
Кто бы знал, что «вчера» –
Лишь пролог к «послезавтрам»...
Просыпайся-ка, брат.
У нас водка на завтрак.

* * *

«Мы все подохнем к концу апреля», –
Сказал капитан. И все согласились.
И льды, в которых мы напрочь сели,
Не издевались над нашим бессильем,
Бело молчали. И мы молчали.
И вдруг, точно выстрел, – щелчок затвора.
И тогда я увидел глаза майора –
Голубые. Без страха и без печали.
И, точно в замедленном кинофильме, –
Ствол карабина, идущий к горлу,
А шомпол – к курку... И острою бритвой –
Крик капитана: «Отставить!.. Майор, Вам
Должно быть стыдно. Ведь Вы на службе.
Жить и работать! Приказ Вам ясен?»
И коку: «Удвоить паек на ужин».
И тихо боцману: «Он не опасен».
Майор, пошатнувшись, прошел меж нами.
Потупившись, мы на него не смотрели.
И вновь капитан: «Я вам напоминаю.
Мы все подохнем к концу апреля».

* * *

Как повеет под вечер полынью духмяной,
Остывая от ржавой жары,
Синий вечер от речки и перечной мяты,
Под сурдинку нудят комары.

Хорошо, босиком огородной тропинкой
(Полотенце и веник с собой)
Пробираясь к соседке, чтоб баньку стопила,
Рифмовать на предбанник любовь.

Будет ночь (самогон и с прослойками сало,
Малосольные огурцы)
Нежным словом не больно до сердца касаться,
Как ромашки к подошвам босым.

Диалектика

Жизнь – это не Счастье;
Жизнь – это не счастье;
Жизнь – это несчастье;

Жизнь – это Несчастье.

* * *

Отдыхаю в деревне, варю картошку
Да вдыхаю озон с табаком вперемешку.
Забываю город, работу, более
Того, я забыл про горе.
Каждым утром по лесу бегаю кроссом.
Пахнет августом, армией и березой.
Без будильника точный подъем в полшестого.
Идут на выпас коровы
И мычат, и чешут бока об заборы,
И хозяйки кладут хворостины с прибором.
А в тумане – знаешь, как голос гулок...
Подъем. Ровно в шесть – бегу я.
У меня под участком течет речушка,
И как только из лесу возвращусь я,
Два ведра на грудь, в самом лучшем смысле, –
Разом усталость смыли.

И такой мажор, будто это – счастье.
Заварю покрепче и выпью чая.
И такая вкусная первая «Прима» –
Даже не знаю прямо...
Денег нет, но нет и проблемы, что покушать:
В огороде растет любая петрушка.
Сигарет и чаю привез бессчетно,
Книги есть, а чего еще-то?
А потом мне расскажет свое Бертран Рассел.
Мы уже добрались с ним до Мора с Эразмом.
Сам себе удивляюсь: мне все понятно,
Чернеют белые пятна.

А когда стемнеет, курю на крылечке,
Наблюдаю звезды сквозь дыма колечки.
Подойдет овчарка, щеку полижет
И рухнет ко мне поближе.
Одиночество, знать, и собакам знакомо.
Мы вдвоем, прижавшись, молчим о ком-то.
Или ни о ком, просто так молчим мы.
Чистое небо лучисто...

Круг чтения

Бродский, Слуцкий, Кублановский,
Красовицкий, Рейн, Самойлов,
Найман, Бобышев, Горбовский,
Ахмадулина и Мориц.
Стратановский и Соснора,
Бродский. Бродский. Лосев, Кушнер.

И для полного набора:
Сидоров, а также Пушкин.

* * *

Сирень сизокрыла, и семь голубей –
Как крупные гроздья под ней понарошку,
Щекотно клевали от булочки крошки
С ладони моей и ладошки твоей –
С той розовой, ласковой, узкой ладошки,
Которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья – достаточно долго,
Особенно если живешь одна.

Тебе было только шестнадцать тогда.
Недетская женственность, опытность крови.
И ночь, разметавши, срывала покровы,
И снова взрывалась сверхновой звезда.
Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь,
Лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
Бракованных лет, обрученных слезой.

Сирень сизокрыла, и семь голубей
Щекотно склевали от булочки крошки,
И плыли по лету в плену тополей
В ладони – ладонь.
Нет – в ладони ладошка.

* * *

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
Он с Дионисом бродит где-то,
Презрев приличья и закон.

Стихи читает проституткам,
И каждый бражник ему брат.
Бывает, в клетку мусора
Закроют на 15 суток.

Неделя. Две. Потом – облом.
Антилирический делирий.
Помятый арматурой лоб
Болят. (И почек не щадили.)
Три дня покойник. Никакой.
Четвёртый день – чуть-чуть получше.
И вот, дрожащею рукой
Нашарив шарикову ручку,
Прикурит «Приму» от свечи
И под диктовку настроит:

«Капель. Синицы. Воздух гулок.
Как здорово, что есть апрель
Для элегических прогулок,
Что душу делают добрей...
Весна... все лица просветлённы,
Как будто победил буддизм...»
И в жизнь, как в девочку, влюблённый,
Он знает – свадьба впереди.

* * *

Пилит двуручной один, что-то лопочет,
То ли молитвы, а может, и матерится.
Важно гуляет рыжий бесстыжий кочет
И не стесняется, если захочет. И злится.

Пилит сосну; двуручной; один; однорукий.
«Дай помогу» – еще раз –
«Да цыть ты! Подь в избу».
Солнышко рыжее. Злой кочет (глаз круглый).
Клюнет, поди. Хворостину потолшше выбрать.

В сенках прохладно. Попил молока с банки.
Кот сидит. Налил коту. «Пей, ката».
С кухни – вкусно – жарит драники баба.
Я их люблю. Мне хорошо. Мне три года.

* * *

Между звучаньем и значеньем
Зазор порою невелик.
Славяне. Слово. Зык. Язык.
Язычество сиречь реченье.
Союз креста известно с кем.
Значенья сблизились занятно.
Подушка. Кружка. Пушкин. Няня.
Мед звука слов на языке.

* * *

– Остынь, мой друг. Какая кутерьма
Из-за какой-то, мягко скажем, дамы.
Нам и в кино обрыдли мелодрамы.
А за окном – красавица Зима.

– Отстань, мой друг. Зачем тебе ко мне.
Я, видишь ли, хоть волен, но безволен
Умерить память, чем-то стать довольным.
А за окном – всего лишь грязный снег.

– Остынь, мой друг. Какая ерунда.
Поедем в баню с бабами и водкой.

Ты позабудешь, что накаркал ворон.
А за окном – зима царит в садах.

– Отстань, мой друг. В той бане нет трубы.
Палёнка – водка. Бабы – знаешь сам кто.
И я тебя поставлю перед фактом:
Царят в садах осины и дубы.

– Остынь, мой друг. Мы третьего найдем
И на троих распишем на ночь пулю,
И мы твоей судьбе покажем дулю.
Глянь, за окном к нам Новый год идет.

– Отстань, мой друг. Какой там преферанс.
При чем здесь третий? Ты зачем вообще здесь?
Иди домой. Прошу тебя, исчезни.
Дай одному побыть с моим вчера.

Ты Новый год хоть раз встречал один?
Там за окном все тащут елки-сумки.
А я не жрал уже вторые сутки,
А из запасов – баночка сардин.

– Остынь, мой друг. Мы сходим за окно.
К твоим сардинам мы прикупим хлеба.
А дома у меня соленья с лета.
И дома есть домашнее вино.

А елку я подрежу в горсаду.
Мы знаешь как с тобой ее украсим –
Конфетами, что мать взяла на праздник.
Схожу домой, кулечек украду.

– Отстань, мой друг. Оставь меня. Уйди.
Мне ничего и этого не надо.
Иди домой, к подругам, к черту, к ляду.
Я буду Новый год встречать один.

Ушел. Вернулся. И с собой принес
Что обещал. В ночь Новый год был светел.
Так: если есть друзья на этом свете,
То нипочем за окнами мороз.

* * *

Корова чешет шею о пихту;
Башка в репьях, болтается болтало.
Вот гуси у ручья заготовали.
Взошло светило. Осветило ту
Сторону реки, чей берег скальный
Порос желто-зеленою тайгой.
Как здорово жить снова,

жить другой,
Здоровой жизнью: утром с мужиками,
Что скупы на слова, пить черный чай,
Что скулы сводит, возводит стропила,
Шкурить стволы и ощущать, как сила
Любви к ЖИВОМУ крепнет, что ни час.
Окликнет кто-нибудь: «Эй, слышь, мужик,
Поддай топор» – дурацки загордишься.
И вот уже не нужно теодиций.
Чтоб просто жить, жить нужно просто. Жить.

Автоэпиграмма

Он сумел бы стихи слагать,
Не отлично жить – хорошо,
Если б не был пьяным Пегас
Под наездником-алкашом.

Дежа вю

Там, где в траве лежал велосипед,
Скамейка: два пенька, доска меж ними;
Где паровоз классический сипел
И проносился мимо в млечном дыме,
Где сросся со скворешней старый клен,
Опавший осенью, поздней – заледенелый,
Где думал, что влюблен (и был влюблен);
Где снег ложился белый, белый-белый,
Там все по-прежнему: лежит велосипед,
Под кленом двое мнутя неумело,
Скворешни с паровозом только нет;
И белый-белый снег – небелый.

* * *

Помню Вас: в Бюстье из фая
(цвет кофейный) – помню, фея,
Белый страусовый веер.
Вальс, и Штраус приступает
Сводничать, делить на пары
Залы бальное собрание.
Вот подсвечник семипалый,
Вот лакей стоит с шампанским,
Всё в движеньи, всё в круженьи,
В упоении фурора...
Боже правый, неужели
Скоро выстрелит «Аврора»...

О-да даче

Июльским утром выйдешь на крыльцо.
Хоть солнце рыже, но еще свежо, и
Искрится диамантовой росой
Смарагдом густо-налитый крыжовник.

На босу ногу кеды и бегом
Под лай собак соседских до обрыва,
Где омут с родниковым кипятком
Смывает сон и делает счастливым.

И в плеск до плёса, где тепла вода,
И буйство крови в мускулах упругих,
И крошат реку кролем крылья-руки,
И нету сил со счастьем совладать.

* * *

Бардак в квартире
ты
метафора чего?
Души моей?
Закона энтропии?
А может это я – метонимия
твоя и мира имени Его.

(а если прозой – просто мы здесь пили).

Метаморфозы

Она мечтала о комнате с ванной...
О подарочных томиках Томаса Манна,
Что присмотрела вчера...
Починить пылесос... Дотянуть до зарплаты...
Чтоб доктор хороший, и ей не заплакать
От боли, как в первый раз...

О тайной секте, ведущей к Богу...
Оральном сексе с витальным Вовой...
Раздать бы долги в феврале...
Она мечтала о муже: в театре
Он самый первый во фраке в антракте
Выносит ей кофе в фойе.

Мечтала по с детства знакомой привычке
Мечтать, заключая реальность в кавычки;
Мечтала, чтобы не жить
Мрачною жизнью с суровым Богом,
Что запретил уходить убогим
Самим, наточив ножи.

Прошли года. В объятьях дивана
После джакузи, с томиком Манна,
Мечтала. Выспаться влать.
Внуки на даче. Муж за границей.
Младшая с зятем на отдыхе в Ницце.
Все. Улыбаясь, спала.

* * *

Хочу, чтобы лето сейчас
И столик в саду меж сиреней,
И ты бы варила варенье,
А я бы заваривал чай.
И пчелка б жужжала пускай
Над чашкою розовых пенек,
А в небе уже постепенно
Пунцовил закат облака,
Коровы бы шли по домам
С парною и вкусною ношею...
Чего бы еще-то хорошего?
А нечего больше.
Зима.

* * *

Сначала срифмуем «любовь» и «кровь»,
Срифмуем «время» и «семья».
Попозже срифмуем «любовь» и «вновь»,
Срифмуем «время» и «бремя».

И в этих ветхих рифмах простых –
Посмотришь – вся жизнь уложена.
А напоследок: «прости» и «стих»,
И... Боже мой, Боже мой, Боже мой...

Элегия par exelence

Многого жаль,
Но особенно этого
Дворика, солнцем нежарким согретого
Первого сентября.

Встреч долгожданных,
Умопомрачительниц,
За лето налитых,
Милых мучительно. Звездочек октябрят.

Первого жаль
И, конечно же, Первую.
Много чего еще будет, наверное.

Этого – никогда.

До темноты

Осенью красные козыри
Озеро ласково бьют.
В этом краю березовом
Прост и суров уют.

Пахнет сухой осокою
Тонко и хорошо.
Солнце уже невысокое.
Сентябрь к концу подошел.

Вечер. Туманные сумерки.
Веет севером ветер.
Но все же еще не умерли
Кузнечики в млечной траве.

Щука уже сготовилась.
Люблю, грешным делом, хоть гой.
Собеседника, стопочку б
Да доску для шашечек го.

Все сильнее темняется.
Надо проверить сеть.
Да дрова вот кончаются.
Собрать бы успеть

До темноты.

* * *

Апрель рисует голубым на белом
И не жалеет жёлтого на чёрном.
А я брожу по городу без дела
И всё гляжу на небо и девчонок.
И пусть мокры в ботинках рваных ноги,
Апрель-маяр заляпал пусть штанины,
Пусть хуанхэ – дворовые дороги, –
Брожу дворами новым дворянином.
Апрель рисует ожиданье чуда,
Танцуют блики на витринах джигу,
И лужи золочёная посуда
Полна до края ветреною жизнью.
И вот – всё то, что знали и любили,
Что растеряли, а потом жалели,
Вновь возвращается сполна нам, или
Всё это – то, что и зовут апрелем.

* * *

За Пушкиным, смотрю, стоит дворянство,
А за Некрасовым – суровый разночинец.
Из зеркала взирает рожа пьянства
В единственном числе, почти бесчисленном.

Без ума

Я лягу на солнце
И буду лежать
И слушать, как травы от ветра дрожат.
Как жар остужать будет ветер.
Я глаз не открою,
Услышу и так,
Что это кузнечик чирикает в такт
Шуршанию крови по вене
Травы луговой
И Земли круговой
И сродственной той голубой локтевой,
Возвратной к рабочему сердцу.
Услышу, как вянет на солнце трава,
И ветер навевает простые слова –
Что смерть пахнет клеверным сенцем,
Что песня кузнечика – солнечный туш
И нежному клеверу –
Траурный марш.
Бессмертно и ветренно
Пение душ.
И горя мне нет
Без ума.

Происхождение ментов

Я им признался: омаров не ел никогда.
Не знаю, со сколькими «Че» написать «от Гуч?чи».
«Беда, - говорил одноклассник. – Беда. Беда».
Подтверждала жена его: «Просто тяжёлый случай».
Когда же узнали, что я не умею авто
Управлять, и в доме моём нет телевизора,
То, переглянувшись, так долго молчали потом,
Что столько ментов родилось,
Что и не удивительно,
Что столько ментов...

* * *

Библиотеки и пивные
Равно к себе меня влекли.
Там всякий раз миры иные
Я открывал опричь земли.

Библиотеки и пивные,
Уход от быта и судьбы.
Мой Гамлет разрешил отныне,
Как быть при том, чтобы не быть.

1 апреля

Не пишется; перу на пенсию пора.
А что ты сделал? Ничего не сделал я.
И во дворе, мне в спину, детвора;
«Эй, дядя! У вас крылья белые».

Рай

1.
Горизонт, зазубренный горами,
И лазурь безбурная над ним.
И закат горит и догорает.
День прошёл. Так проходили дни
В том раю, куда забрался странный,
Коротая вечность у реки.
Левый берег от малины красный,
Правый – красный от ракит,
Чьи рубиновые слёзы на закате
Крупнокаменно сверкают на листьях.
И каратов подсчитать не хватит,
И закат уже совсем устал.
И костёр уже хрустит сухими
Прутьями ракиты и сосны.
И пора уже поесть ухи мне.
Вкусен хлеб, и харьюзы вкусны.

2.
Янтарь стекал по сосновой щеке,
Мелькали мальки в реке.

Расплавленным золотом залит день,
Спасают река и тень.

Воздух шмелист, стрекозист, и солист–
Кукух кукует вдали.

Имён здесь нет, и времён здесь нет.
Лето без памяти лет.

Ночь наступает, и тишина
Вокруг и в душе слышна.

* * *

Вот сизые сумерки высветлил день,
Нежнеет сиятельство сини.
Синицы зелёные в талой воде
Пушисты, смешны, голосисты.

Вот голуби в проруби глыбы небес
Взмывают – и будто их нету.
Ведь нету ответа на «Что голубей:
Чета голубей или небо?»

* * *

Речитатив ручья.
Поляна наша – ничья.
И костра огонёк
Цветом в цветок-огонёк.

Рядом весна красна,
Прядь ручейка – волна –
Облекает валун
В нежную кабалу.

И ходуном кадык,
Стоит вспомнить кандык
В тонких пальцах твоих,
Губы твои – в моих...

* * *

Река времен. Доплыл до середины.
Но берег вечности уж виден впереди...
Куда ж нам плыть, как не туда? Уйди, Ундина,
не щекотись! А впрочем... подожди.

Сельский дзен

Курится, жмурится, спит на ходу, т.е. стоя
Столик под яблоней, пчелка нестрашно гудит.
Я и Судзуки, пиала с пахучим настоем,
Котенок, глядящий на бабочку, в общем, – буддизм.

Город – вонючий – плевать мне, что непозитивно.
«Лучше там, где нас нет» – то, что это вранье,
Сидя на яблоне, спела мне только что птичка,
И самовар на веранде об этом поет.

Утром ходил на рыбалку, а днем за грибами.
С грибами – облом, а карасей наловил.
Соседская Таня на ужин нажарит в сметане.

Будет прилично; и повод зайти для любви.

Коровы бредут по домам, утомленные солнцем.
Вечернее вымя символизирует жизнь.
Природа буддизма – природа. Все мы спасемся.
Я просто сижу, а Судзуки – просто лежит.

Ранние сумерки с баннным дымком и смородиной.
Чую: у Тани в сметане скворчат караси.
Встать и идти, огородами маленькой родины.
С Родиной мне повезло – подгадал на Руси.

Сонет

Вот – форма! Право слово – на века:
не будет лучше, не было и нету
ведь можно научить и дурака
валять стихи, которые сонеты

(свидетельство тому моя рука
которая выводит строку эту)
а если написал Сонет то как
посмеешь не считать себя поэтом.

Поэты были Данте и Петрарка
сонеты делал Тассо и Шекспир
а ты чего? – дописывай тетрадку

призвали собеседником на пир?
Давай, давай быстрее, моя радость,
все? Дописал? Бежи, поторопись!

Сонет

Здорово, Русь. – Здорово, стол.
Что злой? – Курить хочу, а нету!
Присядь да сотвори о том
что зол поэт без сигареты.

Родною древней нищетой
столь в нищете своей согретый
что, за черту ступлю и то
останусь добрым и поэтом.

Сокрою наготу души с листок
и запросто по-русски
чинариков понакрошив

скручу покруче самокрутку
затянемся... Эх, Руся, Русь-то!

Вот так сонет и завершим.

Дон Жуан в детстве (из Кокто)

– Кто эта девочка?
– Где? – Вон та.
– Смерть это! – Да?!
Моею будет!

* * *

Импрессия сирени. Утро. Сад.
Весь в кляксах фиолетовых. И солнце
Заполнило собою небеса,
Рассеявшись сквозь синие высоты.
Мух изумрудных свадебный полёт.
Латунные летуньи – за нектаром.
Вечногундосый толстячок шмелёк
Взыскует истины на донце стеклотары.
Цветы, цветы, цветы... Цвета и свет.
И не поймёшь, какой сегодня возраст.
Здесь – всё равно – в сиреневой траве.
Там – на горе – равны кресты и звёзды.
Пусть спеет утро, наливаясь днём,
Шмелёк – вином, что твой раблезианец.
И я лежу, счастливейший из пьяниц,
Мир посетивший, чтобы спеть о нём.

Камни

По камушку однажды разобрал
Посев разумных добрых старших вечных,
По жизни пошагали по камням,
Но, доведись нам встретиться, при встрече
По камушку собрата я узнаю.
Собравшись вместе, можно строить башню.
За пазухой ношу живой пароль.

* * *

На областной масштаб не потяну
мне в городском любительском не тесно
отсюда можно наблюдать страну
но "можно" не синоним "интересно"
и в мистику уверовать не грех
настолько для меня все это лично)
дурдом, что по над домом, на горе
умильно и гротескно символичен.

и что такое вообще страна?
Москва? Челябинск? Магадан? Воронеж?
Коль сумма географией дана,
то эта арифметика порочна.
Не утону я в западном вине,
а вот другое по моим деньжатам
страна не пожалеет обо мне
и хорошо, – ведь жалость унижает.

В моей стране по-русски говорят.
Библиотеки в ней престолы-троны
вот тут я патриот и в первый ряд
шагну и до последнего патрона.
А я ей благодарен, бо она
дала возможность пообщаться с Вами
ведь даже в самой средней школе нас
учили думать русскими словами.

В уместном месте я живу: (по мне
чудесны ассонансы город – Гоголь;
на станции Островского, пред ней
платформа Достоевский. Ну, ей-богу.
Учили думать русским языком
и я другой такой страны не знаю
я Вас читал; я Вам пишу, - а значит
вы очень близко; очень высоко.

* * *

Качает ряску стекло пруда.
Для чая – мягкая вода,
Янтарный колор.
Для тела – нежное тепло,
Для глаза – рыбки под стеклом,
Жизнь насекомых.

А для души – совместно все.
Для памяти – фрагмент Басе
И впрок навыворот:
Костер, карась, конь, коростель,
Цикада, куст, звезда... Для тел –
Вся ночь навыворот.

* * *

В лес пойду шуршать листвой,
подуств от книжной.
Он живой, и я живой
в мире этом нижнем.

Это солнце, этот лес,
разные страницы.

Оттого и на земле
счастье может длиться.

Прав ли Лосев? – Может быть.
Не скажу: «Конечно».
Если некого любить,
люди любят нечто.

А что Бога не узрел,
Бог с ним! Слава Богу,
светит солнце в октябре,
дальняя дорога.

Вечер, поле, огоньки,
книжки, девки, дети,
кабаки и трезвяки...
Славно жить на свете.

Предбанник

1

Натуре к переменам путь заказан.
Столетье проживи я на земле,
а все б любил – египетские казни,
любительские вирши, осень, лес.

А не любил нудную работу;
обязанности страдные нести
и творческого звания – оболтус, –
держался бы как места и пути.

И пусть себе панует энтропия.
В натуре ей в законе возрастать.
Натура да содержит Фермопилы
судьбою заповедные под стать.

2

Ходить, вымалчивать стихи
под синью тишины осенней,
роднящей ОСОВИАХИМ
с Кастальской сенью,
сближающей – где жизнь? где смерть? –
листы, страницы.

Молчать, и слушать и смотреть:
И став в Касталии каникул
от многоглаголанья дня
и от бессонницы похмельной
дать жизни жить через меня
во всю осмелясь.

3

Живу в предбаннике, меж книжек. Жизнь – по мне.
При мне топчан; со мною чай и чайник.
и по ночам царапины спине
на память дарит веник, измочалюсь
во исступлении. И наступает сон;
в нем пережитый день, березы, грузди
и облака, летящие в воде,
на север убегающей; сны в руку.
Покуда не замерз еще сентябрь...
Еще фортуны виден полупрофиль...
И бабочка лимонная в гостях
на баночке с повидлом и напротив.

4

Счастье есть. С чего бы это?
Сам не знаю. Просто так.
Осень – маленькое лето.
Вот так ловко! Красота!

С ней роскошная фемина
Воротилась домой.
Счастье – есть. А горе – мимо.
Вот так ловко! Боже мой.

Осень. Ветер пахнет небом,
Дождь – дождем. Грибами – лес.
Счастье есть. А если – нету?
(...) Как же нету (...), если есть!!!

5

Позволить печали печалиться
Иль радости изливаться
Равно хорошо в молчании,
Но не равно словами.

Поход психотерапевтический
По жизни, по лесу, по строчкам,
По качествам без количества
(Ибо вечность несрочна)
Оздоровляет здорово,
Хотя встречаются при этом
Странные мысли голову:
– Есть ли в раю туалеты?
– Отчего всё же топятся лемминги?
– Как понять Витгенштейна?
– Сколько лет уже Ленину?
– Почему не «телер», а «телик»?

Вот и солнце у левого берега.
И пора мне обратно.
Я ни в чём не уверенный.
И это радует.

6
Я здесь был хронически счастлив,
В себя уходил далеко...
С корзинкой грибов возвращаясь,
Холодное пил молоко.

В предбаннике жил я. За стенкой –
Чистилище – пламенный рай.
Ночами я вкусные пенки
С премудрых страниц собирал.

Количество суток в молчанье
На качество жизни души
Я здесь перевел; я был счастлив –
Веселые вирши вершил.

Кадила ботва огородов;
Дым сладок, и горек, и сиз.
Я был ежедневно свободен,
Как мало кто был на Руси.

За берег закинулось солнце,
А в бане березы зажглись;
Умыться созвездьем – высоты
На розововодье легли.

* * *

Владелица богатых рифм,
Умелых губ, зеленых астр,
Нескучно жить: я встретил Вас;
Гори, звезда моя, гори.

В саду судьбы довольно троп,
Но, зная, наколдовал Эвклид, –
Пересекающихся строк
Не так уж много у земли.

Но место встречи изменить
Не позволяют небеса.
У них зеленые глаза,
И сладко отражаться в них.

И нам так просто хорошо,
Что сложно разобраться – как?
Так разбегается строка

В ребяческий впадать стишок,

Так пишут жизнь, встречают смерть,
Растят детей и виноград.
Так научаются уметь
Искусству счастья и добра.

Так слово легкое – «любовь» –
С улыбкой отпускают с губ.
Так говорят: «А мы с тобой...»,
И так друг друга берегут.

Так в соловьиной щелкотне
Свои находят имена.
Так в сердце селится весна,
Родней, чем кровь, родни родней.

И как же не благодарить
Случайность счастья: встретил Вас,
Владелица зеленых астр,
Игривых слов, искристых рифм.

Сторож С.

Все елки становятся палки,
Когда Старый Новый пройдет.
Поутру их тащит на свалки
С похмелья хреновый народ.

А мне бутафории эти
В доме одному ни к чему,
И так с пенсионной диеты –
Черней, чем Патриса Лумумб.

Хлеб, сало, стакан самогонки
Под песенный Эрнста проект.
Мне первого утром спросонки
Идти охранять мой объект.

Кормить озверевших собачек.
Служить: сторожить гаражи.
А смерть как охота рыбачить.
И до смерти хочется жить.

* * *

Напоследок, вместо вдоха,
так скажу, друзья:
я пишу во-первых: плохо,
во-вторых: не я.